

Кумулятивные построения

Тотальная гиперболизация того или иного частного обстоятельства производится в виде развертывания якобы вытекающих из него неминуемых выводов, которые проецируются в будущее. В своей речи на первом съезде колхозников-ударников (февраль 1933 г.) Сталин осудил мечту о раскрепощении крестьянства от колхозного строя, обрисовав ее гипотетические итоги.

«Ибо что значит вернуться к единоличному хозяйству и восстановить кулачество? Это значит восстановить кулацкую кабалу, восстановить эксплуатацию крестьянства кулачеством и дать кулаку власть. Но можно ли восстановить кулачество и сохранить вместе с тем Советскую власть? Нет, нельзя. Восстановление кулачества *должно повести к* созданию кулацкой власти и к ликвидации Советской власти, — стало быть, оно должно повести к образованию буржуазного правительства. А образование буржуазного правительства должно в свою очередь вести к восстановлению помещиков (в которых, видимо, особенно заинтересованы кулаки, захватившие их землю. — *М. В.*) и капиталистов, к восстановлению капитализма».

Непонятно только, почему вся эта ужасающая перспектива не воплотилась еще при нэпе, с его единоличным хозяйством и «кулаками». Больше всего, однако, она смахивает на популярную западноевропейскую сказку о молочнице или о глупой невесте, разбившей кувшин с молоком, либо на ее кавказские аналоги вроде грузинской сказки «Спор из-за ничего». Сюжеты такого типа в фольклористике называются цепными, или кумулятивными (*cumulative tales*, *Kettenmaerchen*, а также *Naufungsmaerchen*). В. Пропп, посвятивший им специальное исследование, отмечает, что в них «самые события ничтожны (или начинаются с ничтожных), и ничтожность этих событий иногда стоит в комическом контрасте с чудовищным нарастанием вытекающих из них последствий и с конечной катастрофой (начало: разбилось яичко, конец — сгорает вся деревня)»³⁶.

Если учесть, что «основной художественный прием этих сказок состоит в каком-либо многократном повторении одних и тех же действий или элемен-

тов»³⁷, то в фольклорно-кумулятивном нарративе мы легко распознаем один из важнейших источников бесконечных тавтологий Сталина, включая сюда и его ступенчатые квазилогические композиции. Цепь, звенья — один из самых любимых его образов, который он воспроизводит с маниакальной настойчивостью:

«В этот период *основным звеном и основной задачей в цепи звеньев и в цепи задач* <...> оказалось создание общерусской нелегальной газеты».

Реализация этой постоянной метафоры может войти у него в прямое столкновение с законами физики:

«Очевидно, что «верх» и «низ» представляют тут одну цепь, и *если цепь порвалась внизу, то должна пасть вся цепь*».

Наряду с футурологическими прогнозами, нередкая у Сталина разновидность кумулятивных композиций — синхроническое, но тоже поэтапное расширение начальной посылки, осуществляемое посредством присоединения к ней все новых и новых логических звеньев, так что исходное явление становится ядром некоей грандиозной структуры обычно отрицательного свойства. Этот подход он отрабатывал еще на родном Кавказе. В не раз цитировавшейся здесь брошюре 1905 г. «Коротко о партийных разногласиях» он соответственно оспаривает своего меньшевистского оппонента:

«Автор упрямо твердит, будто «ленинизм в корне противоречит марксизму», он твердит, не понимая, куда приведет его эта «идея». Поверим ему на минуту, что ленинизм в самом деле «в корне противоречит марксизму». А дальше? Что из этого получится? Вот что. «Ленинизм увлек за собой» «Искру» (старую «Искру») — этого не отрицает и автор, — следовательно, и «Искра» «в корне противоречит марксизму». Второй съезд партии большинством 35 голосов признал «Искру» центральным органом партии и с большой похвалой отозвался о ее заслугах, следовательно, и этот съезд, и его программа, и его тактика «в корне противоречат марксизму»... Смешно, не правда ли, читатель?»

Спустя два десятилетия он применяет такое же логическое жульничество по отношению к оппозиции. Согласно Каменеву, возмущается Сталин, «наша партия, оказывается, подменяет международную революционную перспективу национал-реформистской. Но так как наша партия является партией Ленина, так как она в своих решениях по вопросу о строительстве социализма опирается целиком и полностью на известные положения Ленина, то выходит, что ленинская теория строительства социализма является теорией национал-реформизма. Ленин — «национал-реформист», — вот какой глупостью угощает нас Каменев».

Другой подвид схемы — ее элементарно-пространственная экспансия, система расходящихся кругов:

«Стоит одну маленькую ошибку совершить в маленькой стране, в Аджаристане (120 тысяч населения), как это отзовется на Турции и отзовется на всем Востоке, ибо Турция теснейшим образом связана с Востоком».

Но главное, конечно, — захватывающие чекистские горизонты, ослепительные проблески 1937 года, к которому вкрадчиво, шаг за шагом продвигается кумулятивный метод. Очень удобно, среди прочего, растягивать пределы «моральной ответственности», возлагаемой на советскую внутрибольшевистскую оппозицию, например, за высказывания некоего Корша в Германии:

«Оппозиция может сказать, что она не отвечает за позицию Корша. Но это неверно. Оппозиция *целиком и полностью* отвечает за деяния г. Корша. То, что говорит Корш, это есть *естественный вывод* из тех предпосылок, которые преподают своим сторонникам лидеры нашей оппозиции в виде известных обвинений против партии».

Сказано это в декабре 1926 г. Всего через восемь лет, сразу после убийства Кирова, «моральная ответственность» оппозиции перейдет в смежную с ней ответственность уголовную³⁸. Кумуляция, запущенная Сталиным, станет движу-

щей силой террора, при котором к любому арестанту, как к золотому гусю из немецкой сказки, в геометрической прогрессии присоединяются все новые и новые жертвы, соучастники феерических заговоров. В этом процессе есть своя хитроумная диалектика, рывки и паузы, пропущенные звенья. Начинается все примерно так. В 1927 г. провокаторы ГПУ — какие-то бывшие белогвардейцы и «буржуазные интеллигенты» — предложили оппозиционерам наладить подпольную типографию. Подготовленная *цель* дает Сталину дивный пропагандистский материал:

«Оппозиция, организуя нелегальную типографию, связалась с буржуазными интеллигентами, а часть этих интеллигентов, в свою очередь, оказалась в связях с белогвардейцами, замышляющими о военном заговоре»; «Вот такая цепочка получилась, товарищи».

Тем не менее, как подчеркивает Сталин, настоящего убийственного криминала здесь пока еще нет:

«Обвиняли ли мы когда-либо и обвиняем ли теперь оппозицию в устройстве военного заговора? Конечно, нет».

Обвинение придет позже, через десяток лет, когда «цепочку» сумеют дотянуть до Токио и Берлина. Ибо Сталин — «величайший дозировщик», по классическому определению Бухарина, — сам всегда действует по тому же кумулятивному методу, который он приписывает, в частности, революционным движениям:

«Революция развивается обычно не по прямой восходящей линии, в порядке непрерывного нарастания подъема, а путем зигзагов, путем наступлений и отступлений, путем приливов и отливов, закаляющих в ходе развития силы революции и подготавливающих их окончательную победу».

Это физиологическая тактика удава, заглатывающего козленка не сразу, а по частям. «Материал» же для любого, особенно истребительного, действия накапливается исподволь, поэтапно, почти неприметно для замороженной жертвы, пока его количество не перейдет в смертоносный качественный «скачок» — рывок удава — ибо тут, как всегда, вдохновляющим примером для Сталина служит перевозносимая им марксистская диалектика, о которой он писал в «Кратком курсе истории ВКП(б)»:

«Диалектика рассматривает процесс развития не как простой процесс роста <...> а как такое развитие, которое переходит от незначительных изменений к изменениям открытым, к изменениям коренным, к изменениям качественным, где качественные изменения наступают не постепенно, а быстро, внезапно, в виде скачкообразного перехода от одного состояния к другому состоянию, наступают не случайно, а закономерно, наступают в результате *накопления незаметных и постепенных качественных и количественных изменений*»³⁹.

Чтобы лучше оценить судьбоносную роль Сталина в экспансии мирового коммунизма, следует принять в расчет этот синтез марксистского учения с универсальным фольклорно-архаическим примитивом, достигнутый при его активнейшем участии. В своей работе о цепных сказках Пропп писал:

«Принцип кумуляции ощущается нами как реликтовый <...> Эти сказки уже не соответствуют нашим формам сознания и художественного творчества. Они — продукт каких-то более ранних форм сознания <...> Примитивное мышление не знает времени и пространства как продукта абстракции <...> Оно знает только эмпирическое расстояние в пространстве и эмпирический отрезок времени, измеряемый действиями. Пространство и в жизни, и в фантазии преодолевается не от начального звена непосредственно к конечному, а через конкретные реально данные посредующие звенья: так ходят слепые, перебираясь от предмета к предмету. Нанизывание есть не только художественный прием, но и форма мышления вообще, сказывающаяся не только в фольклоре, но и на явлениях языка. Но вместе с тем сказка показывает уже и некоторое преодоление этой стадии. Эти сказки у

нас — удел детей, новых типов не создается. Искусство их рассказывания закономерно приходит в забвение и упадок, уступая место новым, более соответствующим современности формам повествования»⁴⁰.

Увы, в данном случае фольклориста приходится уличить в неоправданном историческом «прогрессизме». Разве не механизм «нанизывания» лежал в основе большевистских сказок о поэтапном — от звена к звену — нарастании мировой революции? Но деградировавший нарратив задолго до того воскресает сперва у Плеханова, любившего кумулятивную аргументацию, а затем у его мятежного ученика — Ленина, на поучения которого резонно ссылается Сталин:

«В поворотные моменты движения всегда выдвигается какой-либо основной лозунг, как узловой, для того, чтобы, *ухватившись за него, вытянуть через него всю цепь*. Ленин так учил нас: найдите основное звено в цепи нашей работы, ухватитесь за него и вытягивайте его для того, чтобы через него вытянуть всю цепь и идти вперед».

Пересказывая этот пассаж из ленинской статьи «Очередные задачи советской власти», Сталин, правда, оборвал цитату. В подлиннике далее стоит оговорка: «порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты и не так глупы, как в обыкновенной, кузнецом сделанной, цепи». С учетом этой купюры было бы заманчиво считать, будто Сталин, как всегда, «вульгаризировал» глубокомысленного Ильича. Между тем в цепных притчах (хотя и более редких) последнего грохочет такой же точно пафос пробудившегося примитива, которому отныне суждена долгая жизнь. Кумулятивна вся созданная им партийная организация, кумулятивна и его творческая фантазия. Вот, к примеру, ленинская система концентрических кругов, примененная к русской истории в его известной статье «Памяти Герцена» (1909). Несколько поколений революционеров поочередно вырывают друг друга из объятий Морфея:

«Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили (типично кумулятивный напор однородных перечислений. — *М. В.*) революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг бойцов», и т. д.

С этой сказкой о репке стоит сравнить параноидальную модель, которая через десять лет появится у Ленина в его «Письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком»:

«Малейшее нарушение советского порядка есть уже дыра, которую немедленно используют (ср. такую же фатальную «дыру», «щелочку» во многих рассуждениях Сталина — *М. В.*), — есть зацепка для побед Колчака и Деникина. Преступно забывать, что колчаковщина началась с маленькой неосторожности по отношению к чехословакам, с маленького неповиновения отдельных полков».

Могут возразить, что фольклорная замшелость аргументации обусловлена здесь культурным уровнем самого адресата. Однако Ленин довольно охотно использует ее и в своих программных выступлениях, например, в очень важной статье «Еще раз о профсоюзах» (1921), где неудержимая гиперболизация сопровождается столь же обязательным наращиванием повторов:

«*Всякий знает, что большие разногласия вырастают иногда из самых маленьких* — ничтожных даже вначале — расхождений. *Всякий знает, что ничтожная ранка или даже царапинка, которых каждому приходилось получать в своей жизни десятками, способна превратиться в опаснейшую, а то и в безусловно смертельную болезнь, если ранка начнет гнить, если возникает заражение крови. Так бывает во всяких, даже чисто личных, конфликтах. Так бывает и в политике.* Любое, даже ничтожное расхождение может стать политически опасным, если является возможность того, что оно *разрастается* в раскол, и притом такой именно раскол,

который способен поколебать и разрушить все политическое здание».

Короче, все эти пещерные сюжеты, выпущенные на волю революцией, коммунистической властью — в силу и внутренней потребности, и пропагандистских нужд — стала актуализировать с первых своих дней — и сразу же в ответ ей угодливо раздались кумулятивные агитки «лучшего и талантливейшего поэта советской эпохи» («Всем Титам и Власам РСФСР», «Сказка о дезертире...», «Сказка для шахтера-друга», «История про бублики» и пр.). Было здесь что-то, глубоко созвучное самой конспиративно-магической эстетике режима, опознающей себя в реликтовых формах фольклора. Возводя стремительную градацию присоединяемых друг к другу явлений, фольклорное сознание любит самую их накопительность или же захватывающую диспропорцию между мизерными масштабами первичного объекта либо события, занимающего ничтожное с виду место на шкале реалий — и его незримым, но сверхмощным детерминистским потенциалом, реализованным к концу ряда и замыкающим все его движение. Как обычно, сталинская специфика состояла тут скорее в неимоверном, гротескном заострении и эффективнейшей утилизации черты, свойственной всему большевизму. Ибо то, что для других коммунистических лидеров служило лишь одним из употребительных приемов, для Сталина изначально было жизненной потребностью, пронизывающей все его сочинения.